

ОЙКУМЕНА РУСЬ.

Юрий Кузнецов, Владимир Спирин

Подробно в http://zhurnal.lib.ru/editors/s/spirin_w_g/
и инет-сообществе «Славянская парадигма»

**Дорогие сограждане!
Процесс единения народа начался!**

Но как всегда ему мешает извечный духовный разрыв народа со своей властью. "Сегодня в официальной России все ворованное (заимствованное, благоприобретенное): элита - от варягов; вера - от евреев; управление - от византийцев и монголов; один дух - от скифов, который те испустили, пройдя и оплодотворив всю Европу так, что та до сих пор помнит амазонок и кентавров. Поэтому в смутные времена, когда надоедает кривляться на чужой манер, в ней проступает воровское, простое и надежное. Так было и при Тушинском воре и при нынешних», www.metafilosof.narod.ru.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1. Российский дух.**
- 2. Наследие предков**
- 3. Оружие «История».**
Трансцендентность иудохристианства и имманентность славянства.
Первый укус хищника.
- 4. Колонизация Руси.**
- 5. Ход по кругу.**
- 6. Диагноз:**
Этиология (причины и предпосылки заболевания).
Анамнез (историческое течение болезни).
«Халява» как привнесенный вирус.
Рабство и халява.
Крещение Руси – частный обряд князя.
«Стаптывание» по ноге России.
- 7. Взлет славянской культуры.**
- 8. Оживление славянства.**

9. Имперский вирус действует.
Большевицкий имперский вирус.
Советский имперский вирус.
Славянское подсознание.
Либеральный имперский вирус.
10. Прогноз и лечение.

ЛИТЕРАТУРА. <cut text="Читать далее...">1. Российский дух.

Общество — материально-духовное образование, в котором сложное взаимодействие материальных, духовных, нравственных и генетически присущих факторов не исчерпывается их сегодняшним официальным признанием: потомки могут быть глупее предков. Национальная идея – это не есть нечто эфемерное, искусственно философски выведенное понятие. Национальная идея должна гармонично восприниматься сознанием, и что более важно, подсознанием людей, её принимающих и развивающих. Национальная идея должна учитывать и особенности истории страны и народа, особенности менталитета, предпочтения и исторических задач народа, Национальная идея предполагает и существование нации – народа, эту идею несущего. А, следовательно, – особенности характера и исторического развития народа, особенности территории проживания этого народа, его взаимодействий с другими народами, исторически сложившихся симпатий и антипатий этого народа. В понятие национальной идеи входит и понимание исторического ритма и ритма жизни народа, система мировоззрений, особенности государствообразующей религии, национальной философии, особенности носителей самосознания народа – национальной элиты на всем протяжении истории народа.

Здесь нельзя не сказать о том, что для Европы Россия была (и остается) не только загадкой, но и объектом вождедений. «Европейцам,- писал И.А. Ильин, нужна дурная Россия: варварская, чтобы цивилизовать ее по своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно не

состоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Носителя ноосферы Вернадского образно можно представить как единый социум, тело одного человека, один организм, как единый известный континент Гондвана, в котором каждой территории на уровне энергетики отведены свои функции: Индия - сердце, Китай - руки, Северная Америка (США) - солнечное сплетение. Именно этим и занимаются современные государства, расположенные на этих территориях - США, чакра манипура - концентрирует силу, энергию, Китай - занимается производством, Индия - анахата чакра - аккумулирует Вселенскую любовь. Европа соответствует ж... рифме Пушкина. Территория России - мозг планеты. И уральские горы - не только водораздел, но и две половинки мозга: западная, точная (финитная) прозападная с «третьим Римом» Москвой во главе; восточная, символная, тяготеющая к восточным философиям с новой столицей России Астаной во главе.

Россия, точнее российский народ - сознание мира. А сознание отвечает за весь организм в целом. Отсюда и щедрое донорство россиян, и самопожертвование вплоть до самоотречение, и открытость и т.д.

На протяжении всей истории именно проявление себя, т.е. функций сознания, осознанности и воли (без воли невозможно мышление) спасало Россию от всех бед, и в истории и в сказках. Т.е. спасало осознание себя и своего пути.

Россия - мозг мира, его сознание. Таким образом, мы, как и мозг, пропуская через себя, впуская в себя идею (информацию) принимаем решение - стоит ей дальше существовать или нет. Так было и с христианством, и с монгольским игом, и с коммунизмом, и с демократией: любая модель стаптывалась по ноге России.

Осознать себя - значит ещё и понять свою уникальность, то есть свое предназначение. Если Россия - мозг, то в соответствии с этим и строится и ее государственность. Ведь клетки мозга уникальны, они работают в унисон друг с другом - если мы

воюем - то 'всем миром', если гуляем - то на весь мир. У русского святого и воина, у олигарха и нищего больше общего чем у русского олигарха с не русским олигархом. Клетки мозга живут на одной волне, легко перестраиваются по команде из центра - раз - и огромная страна перестроилась из аграрной в индустриального гиганта, раз - из самой христианско религиозной стала самой безбожной, раз - и буквально из ниоткуда появляется огромная победоносная армия и флот (хоть при Петре, хоть при Екатерине, хоть в наше время), раз - и в разрушенной войной стране - атомные бомбы и ракеты, бац - и из ниоткуда, из долговой ямы - появились транснациональные корпорации (металлургические, газовые, нефтяные, атомные и т.д.) и вся страна наполнилась брокерами, маклерами, трейдерами и т.д. - и, неплохими трейдерами.

Мозг всегда «на одной волне» - мы (99%) все либо святые, либо воины, либо крестьяне, либо (как сейчас) лохи (спорно, но не в терминологии дело). И если европейцы только сейчас перенимают у нас опыт Советского Союза и разгараживают границы своих стран, то для нас это 30 000-летний опыт Ойкумены от современной Прибалтики, до, включая, Аляску. Заселились в нашей Прибалтике немчики - да бога ради; пришли евреи с христианством – пожгли своих идолов, нарядили русских мужиков в рясы, чтоб казались беременными христианской истиной, ходят, проповедуют еврейские сказки для гоев; пришли монголы со своим игом - да бог в помощь! Все равно все за умом придете к нам, и вот там на уровне подсознания и разберемся «Кто есть ну?».

«Любимый герой русских сказок Иванушка-дурачок, добрый, умный, но, по мнению других, – дурак, а он и не чешется: «Мели Емеля – твоя неделя!», твердо зная, что его неделя всегда настанет.» («Сократ сегодня», www.metafilosof.narod.ru).

Россия - страна еще не сказавшая своего последнего слово. Точнее, она последний раз сказала слово Египту 3000 лет назад, и вот теперь сама его вспоминает. («Русь-Египту, тот-миру.»), www.metafilosof.narod.ru)

2. Наследие предков

Речь идёт о форме наследственности, через которую передается традиция. Это перевоплощение духа. Речь идет о древнеславянской философии, изложенной, например, в книге "Праведы", полученной от предыдущей цивилизации, погибшей по собственной глупости (неважно, не смогли ли уничтожить метеорит, вызвавший всемирный потоп, или уничтожили друг друга).

Очень важно начало книги – её первые аккорды. Здесь они звучат мощно и утвердительно! Сразу говорится о самом существенном в модели мироздания – о множестве миров и (в современной терминологии) систем в системе систем: все славянские боги - воплощения Вышня и Сварога. Великий Триглав: Сварог, Перун и Святовит. Борьбу Белбога и Чернобога сдерживают Сварог и 12 главных богов. 12 богов-месяцев. 48 малых богов. Триглав Дид-Дуб-Сноп. Владыки - Хорс, Перун, Ярила, Купала, Лад и Дажьбог. Боги: Сварог, Дажьбог, Перун, Стрибог, Ладобог, Купалобог, Яробог (Ярила). Молитвы Перуну, Дажьбогу, Симарглу, Индре. Много позже христианская традиция, приватизировав через третьи-четвертые руки (Ассирия, Египет и др.) общечеловеческие славянские ценности, уничижительно назовет это «язычеством». Славяне не называли себя «язычниками». Это христианская ругань. Но «язычниками» (поганцами) являются именно иудеи, поскольку из всей славянской модели мироздания как множества миров они смогли приватизировать (украсть) только Белобога (Бог) и Чернобога (Дьявол) и смоделировать единственный плоский мир, стоящий на трех слонах, стоящих на черепахе, плавающей в океане. Это не их вина – это их беда! Только лишь потенциально разумное человечество не смогло в то время понять Систему славянских Знаний. «Как хорошо, если бы над нами был бог, или материя, или какой-либо другой конкретный начальник!» («Сократ сегодня», www.metafilosof.narod.ru). Ну, конечно, когда думаешь одной шестой частью мозга, как не заболит голова при мысли о множестве миров!

3. Оружие «История».

Человеческое население планеты Земля структурировано в Системы, крупнейшие из которых называется род, нация. Между этими Системами постоянно идет соперничество за территории и ресурсы, необходимые для жизни.

Кроме прямых военных действий особое место, пожалуй, одно из важнейших в агрессии отводится науке под названием «История».

Рассмотрим в качестве примера настоящую и не глубоко прошлую историю России.

Занятые древними славянами огромные, богатые полезными ископаемыми, территории от Японии до Британских островов, естественно, представлялись лакомым и желанным куском для любой другой нации.

Но Россия всегда была сильна и в открытых войнах никогда не проигрывала. Силы, способной одержать над Россией верх, до определенного времени в мире не было. Все конфликты имели мелкотерриториальный характер и никак не отражались на жизнедеятельности Системы с названием «Русь».

Так продолжалось многие тысячи лет, продолжается и поныне. Но 4.000 лет назад все же был, казалось бы, найден способ добыть столь огромную «тушу».

Был использован принцип раковой опухоли. Хищнику – своя доктрина: позволено все и, главное, убивать безнаказанно жертву. Жертве – своя доктрина: запрещено видеть и реагировать на агрессию хищника и, главное, его надо любить. У обеих доктрин центр, их разработавший, один и находится он, естественно, в мозговом центре хищника.

Трансцендентность иудохристианства и имманентность славянства.

Рассмотрим противостояние «жертвы» и «хищника» с точки зрения метасистемной философии (МСФ) славян. Поскольку иудохристианство является составной частью Бога, то оно, хотя бы и проявляя трансцендентность по отношению к Богу, всё равно находится внутри Бога. Это противостояние (Бог –

израилизм) иудохристианство тем самым реализует изнутри Бога, из пределов Божьего «тела» – Божьей Системы.

В дальнейшем рассмотрению противостояния иудохристианства Богу изнутри Самого Бога нам помогут медицинские термины. Совокупность явлений в Системе, происходящих в результате какого-либо вредного воздействия и нарушающих нормальный состав и нормальную деятельность органов, называется болезнью. Поскольку внешних по отношению к Богу вредных воздействий не существует, то эта болезнь вызвана исключительно внутренними обстоятельствами, называемыми дисфункцией (лат. Dis – нарушение + Functio – деятельность). Дисфункция – появление в системе разных элементов, приводящих к рассогласованию ее функционирования как целого; к отклонению ее поведения от первоначально заданных параметров]. Таким проявлением является образование опухоли – новообразования, образующегося вследствие местного избытка роста тканей, состоящих из ранее нормальных клеток, без физиологической законченности и функционального значения. Злокачественные опухоли – рак – обуславливается распространением их на отдельные части Системы или непосредственно, или путем заноса (метастаз) клеток, из которых вырастают вторичные узды.

Злокачественные опухоли ослабляют Система, вызывая истощение, от самоотравления Системы ядовитыми продуктами, вырабатываемыми злокачественными опухолями, приводят Систему к смерти.

В таком контексте, возвращаясь к религиозности, можно уже видеть, как реализуется термин «израиль», если борец находится внутри Бога.

Таким образом, если славянство – это имманентное, здоровое начало, то иудохристианство, само себя противопоставляя, – это трансцендентная, внутренняя болезнь Бога.

Вид агрессии, когда хищник вводит жертве некоторое вещество, снижающее реакцию жертвы на действия хищника, широко известен. Например, укус комара сопровождается введением обезболивающих веществ, множества ядов.

На завоевание Руси хищнику потребовалось чуть более 1.000 лет. Причем, жертва о якобы состоявшемся завоевании и сейчас не совсем решительно подозревает.

Первый укус хищника

Первый укус хищника случился так, что в результате на Руси был рожден мальчик с правильными, с точки зрения хищника, родственными узами. Этот мальчик стал князем Владимиром и сделал так, что на Руси произошла переустановка религий.

Славянское родоверчество, с которым русичи пришли в этот мир, и насчитывающее более 30.000 лет, было заменено новой «религией» с названием христианство. Это как раз и была та доктрина, предназначавшаяся для размещения в теле жертвы: ударили по одной щеке, подставь другую.

Этот шаг не потребовал от хищника большой армии, которой у него, кстати сказать, и не было. Вся армия состояла из нескольких тысяч проповедников, основная цель которых была внести раскол в здоровую Систему Руси. Ради веры брат пошел на брата, сын на отца. Такого на Руси до этого никогда не случалось.

Кроме того, на разные территории Руси были посланы разные виды христианства: на запад – католичество, на восток – православие. С той целью, что посеянные религиозные разногласия в любой удобный момент можно будет использовать для религиозных междоусобных войн и распрей: крестовые походы, старообрядцы и т.д....

Роль истории на этом этапе очень важна: являясь мощным инструментом в умелых руках, историки за эту тысячу лет придумали многие тысячи обоснований того, почему ради принятия христианства следовало допустить уничтожение лучшей половины населения Руси. Даже увидели выгоду в христианском сплочении российских земель, оставшихся после такового в половинном своем составе. И за активным трудом описания христианских чудес историками полностью были сокрыты те факты, что до христианства Русь была единой страной и не делилась на Россию и Европу. Европа, кстати, происходит от древнеегипетского «евро», что означает «на другом берегу». В Европу, то есть, на другой берег через

Средиземное море, египтяне выселяли преступников, в их числе и «евр»-еев.

4. Колонизация Руси.

Очень направлено древние историки и писари, среди которых было много «евр»-еев, умеющих писать, отражали в книгах, предназначенных для потомков, только те факты, которые были им выгодны, скрыв почти все, что было до христианства, и установили бумажный исторический раздел Руси на Европу и Россию.

Для уничтожения памяти местных правителей жертвы-Руси хищник провел еще несколько междоусобных войн на взаимное уничтожение отцов и детей. Естественно, эти войны были религиозные – христианских сект.

Кроме того, в этот период кровавого христианского террора были почти поголовно уничтожены духовные лидеры и хранители религиозных традиций жертвы-Руси: колдуны, ведьмы, волхвы, чародеи...

Хищнику в этот период, опять-таки, не потребовалась многочисленная армия: только несколько тысяч проповедников.

После средневековой активизации братоубийственной резни в теле жертвы-Руси прошли заметные изменения: она распалась на несколько кусков.

Историки, совершенно «забыв» о подлинной истории Руси, отныне пользуются только теми данными, что начинаются с определенного количества «независимых государств» на материке, называемом Евразия.

Итак, в России православие воевало со своими сектами, постепенно вводя новые обряды и на этой почве уничтожая старообрядцев. В Европе католики, протестанты и другие слились в один кровавый котел, поглощающий своих жертв так же успешно, как и тот, что кипел в России.

Цари, короли и принцы, как утверждало установившееся христианство, были даны народам от бога, их бога (имени которого в христианстве не существует). Эти первые лица, зная об этом, что есть сил устанавливали христианство в своих вотчинах, не жалея жизней своих народов.

Пришел черед принести в жертву и царей. Весьма любопытный и слабо разумеющий Петр Первый решил посмотреть на Европу через «окно», которое он и прорубил, и из которого в Россию пришло масонство – новый передовой отряд хищника. При этом действе Петр погубил лучшую треть населения своей Родины, в угоду для глупого человека просвещению.

За какую-то пару сотен лет новый «грибок» порастил всю «элиту» России до самых верхов, отказавшихся в результате от служения Родине и позволивших мелкой кучке преступников убить царя и взять власть над русским народом – это было временное правительство, где 90 процентов министров уже были народом от хищника. Уже хищник стал править телом жертвы.

Но тело было еще так велико, и жизнь остатка здоровой плоти была так сильна, что победное положение хищника было им справедливо расценено слабым и требовало усиления.

К власти на всех уровнях пришли сыны хищника и установили кровавый режим, всего лишь несколько менее слабый, чем во время христианизации Руси. Опять сын пошел на отца, брат на брата. Итог: лучшая треть населения жертвы-России была уничтожена хищниками за время господства их религии в целом славянской советской власти.

Опять же, хищнику не потребовалась многочисленная армия, достаточно было только проповедников. Идеологом являлся потомок носителей той, первой доктрины – сын раввина Карл Маркс.

Уровнявши таким образом население на восточной части Руси, которая теперь называлась СССР, с населением западной части той же Руси, которая теперь называлась Европа, хищник решил, что стравив в ожесточенном бою двух одинаково сильных противников, он может рассчитывать на величайшие потери с обеих сторон, существенно ослабив обе половины разрубленной жертвы.

Стараниями историков были стерты знания о том, что сыны обоих противников, стоявших теперь друг напротив друга, являлись братьями и сынами одного народа. Один из них почему-то, знамо, слушаясь советников-сынов хищника, решил уничтожить брата, как нечистого. Хотя нечистый как раз ему-то в уши и дудел.

Вторая мировая война унесла у жертвы почти двадцать процентов населения – лучших представителей народов Братских народов, оставленных историками в преступном неведении. И воевавших вследствие этого.

Последний акт в кровавой драме между жирной жертвой-Россией и тщедушным кривеньким хищником разыгрывается сейчас.

Как ранее выселенные в Европу преступники египетских земель, так теперь беглые братья-славяне, беглые из Европы в Америку, почему-то не помнят родства и считают славян, оставшихся на родном континенте, своими кровными врагами. Назревает повторение истории, которое провоцируется представителями хищника.

Этот удар будет последним, рассчитывает хищник. Все ключевые посты во всех правительствах всех государств, образованных из жертвы-Руси, заняли сейчас сыны хищника. Условие этому зовется демократией. Отключение защитных механизмов – ксенофобией. Противодействие хищнику – антисемитизмом. Хотя действия хищника, официально осужденные, зовутся сионизмом. Основа которого – иудаизм, который, в свою очередь, вскормил и выпестовал того, что нанесло Руси первый удар – христианство.

Культуры, народы, нации, как и любые Системы, с одной стороны, всегда подвергаются нападению хищника, и хищник не обязательно должен быть огромен и явен, вспомним раковую болезнь, развивающуюся в теле жертвы. С другой стороны, любая Система имеет право на самооборону, на защиту собственных интересов, на защиту собственной жизни. Роль истории в описанном выше процессе весьма велика и во многом ключевая. Начав с честного описания исторических событий и честного изложения исторических фактов, историческая наука даст остальным тот фундамент, на котором возможно восстановление разрушенного хищником дома. Честное повествование историков об общих наших родных корнях – русских, германцев, шотландцев, шведов, американцев и других – позволили бы объединиться на почве братских родственных отношений.

5. Ход по кругу.

Но безысходное хождение по одному и тому же кругу бед и несчастий в России продолжается: от голода до голода, от войны до войны. Всё, что строится позитивного, существует недолго, быстро разрушается. В любом случае побеждает примитивная рабская организация отношений. Смены вывесок, форм правлений ("татаро-монгольского ига" - на московскую монархию, власть царя - на "диктатуру пролетариата", социализм - на демократию) ничего, в сущности, не меняют, а порой только утяжеляют положение людей в России. Восстания, бунты, революции, реформы, перестройки, унеся миллионы жизней и реки крови, оказываются практически бессмысленными.

Вечной нормой российской жизни считается глупость власти, предательство, воровство, преследование всего нового, выдающегося, творческого, индивидуального. Исторически стойко существует отрицательный отбор - государством злостно и безапелляционно стимулируется и продвигается плутовство, холуйство, ложь, стяжательство, мздоимство, двуличность, серость.

Постоянная обреченность на войну, как единственно возможный выход из очередного создавшегося положения. Несмотря на обилие военных побед, человек в России с неизменной повторяемостью оказывается гол как сокол (кроме прочего - на фоне неисчерпаемых природных богатств России), еще и с усиленным экономическим грабежом, тотальным разрушающим воздействием со стороны "собственного" государства, несравнимым с гнетом любых завоевателей.

Периоды "оттепелей" кратки и ненадежны, быстро сменяются тотальным террором государства.

Историческая повторяемость одного и того же, неминуемое возвращение к тому от чего ушли, рождает у большого депрессивную идеологию безысходности, обреченности на несправедливость и неизбежность страданий, ущербное мессианство, нормализацию уныния, покорности судьбе,

власти и обстоятельствам, творческую, интеллектуальную и политическую пассивность, различные виды ухода в зависимости, в болезни, в мифологию, в мистику, и т. п.

6. Диагноз:

Российское государство до сего момента являет собой деструктивную имперскую систему (антисистему), злокачественное образование по типу раковой опухоли на общественном уровне, проявляет все свойства рака, логично и стройно описывается в терминах и понятиях онкологии, имеет соответствующие раку прогноз и схожее по принципам лечение. Причиной устойчивых, повторяющихся деструктивных явлений в российском обществе является системный сбой, такой же, как и у раковых больных - раковая опухоль, будучи вирусом, встраивается в систему организма и паразитирует там, где связи, отношения между элементами системы (клетками и органами) ослабляются, рвутся, т. е. имеется их отчуждение. Преодоление отчуждения тождественно излечению.

Этиология (причины и предпосылки заболевания).

1. Забвение единой древнеславянской системы отношений (культуры, системы ценностей) между различными этносами, народностями, удельными княжествами, государственными образованиями, на территории России. Память о добатыевской Руси, предтече России, тщательно скрывается, и его существование преподносится лишь в пропагандистских интересах, чтобы доказать, что Россия на самом деле является преемницей рабско-колониального Улуса Джучи - Золотой Орды, и в Москву столичная функция перешла не из Киева, а из Сарая. Хотя и в самом деле, ничего общего "вертикально" построенная по модели «третьего Рима» современная Россия даже с "плоской" (в современном понимании - конфедеративной) Киевской Русью не имеет, к тому же

территориально они не совпадают, по площади несравнимы, этнически различны.

Что касается раковой опухоли, то она как раз возникает там, где есть рассогласование, разобщение, выход из единой системы отношений клеток, структур и процессов организма. Метастазирующие клетки ведут себя почти разумно, как бы "просовываясь" именно туда, где образуются щели и прорехи в функциональных взаимосвязях.

Еще в древнеримском сенате родилась формула "разделяй и властвуй" (лат. *divide et impera*), показывающая, что имперско-рабская власть паразитирует именно на раздробленности, распаде, атомизации систем отношений.

2. Насаждение сверху на территориях будущей России церковного православного христианства, исторически рожденного как идеологическую опору империи в Византии. Православие сакрализует светскую власть, которая, якобы, "от бога", а значит вне критики; продвигает идеологию "Священной Державы" (*Reichstheologie*), как фактически главного поклоняемого идола; обожествляет кесаря-императора, как "божьего помазанника" ("помазанник" по-гречески звучит - "христос").

Завлекающей приманкой в православии (сам термин «православие – Славь Правь» славянский и был приватизирован у славян Никоном в ХУ1 в, чтобы придать христианству приемлимый славянам вид) является действительно стройное, системное и действенное славянское учение, усвоенное частично и поданное как учение Иисуса Христа. Однако церковная манипулятивная машина переворачивает антиимперскую и антирабскую славянскую систему в свою противоположность, превращая христианство в некий эклектический винегрет, подменяя принцип "верю, поскольку истинно" пришедшим из империи принципом "верую, ибо нелепо" (*Credo quia absurdum est*). Ничего подобного даже в учении, излагаемом Иисусом Христом, в Евангелии и близко нет.

Вместо пути к восприятию очевидностей, каковым является славянское учение Христа, церковное христианство наоборот отталкивает оцерковленного раба от очевидной реальности "здесь и сейчас", внушая, что действительно значимая реальность будет в неопределенном будущем, после смерти, а сейчас человек существует в некоем переходном, временном, шатком, иллюзорном мире, где достижение состояния блаженства (счастья) в принципе невозможно (учение Иисуса как раз приблизившееся к сегодняшней реальности блаженство, т. е. счастье и проповедовал). В итоге адепт православия превращается в дезориентированного обезволенного зомби, не отличающего правду ото лжи, и которым можно помыкать как угодно, отбирать у него что угодно, и посылать его на смерть ради чего угодно, что империи для своего существования и требуется. Чем не религиозная МММ Мавроди? По этому признаку Мавроди должен быть причислен к лику святых церкви.

Утрата восприятия очевидностей - это и есть суть отчуждения, идеологической платформы рака, выход из общей системы отношений, отрывающий дорогу деструктивному новообразованию.

Анамнез (историческое течение болезни).

Активной фазой проникновения "языка" имперской метастазы на территорию будущей России можно, наверное, считать завоевания татаро-монголами Средней Волги в 1229 г.; 1236-1237 гг. - покорение ханом Батыем кипчан, болгар и других народов к востоку от Руси; с 1237 г. - последовательное завоевание княжеств и городов, относимых к Северной Руси (Рязань, Владимир, Суздаль, Торжок, Переслав, Чернигов, Киев и др.); с 1241 г. - разгром татаро-монголами польско-германской армии, захват и разорение городов Венгрии, Богемии, Польши, Хорватии, Словении. Так улус Джучи (часть монгольской империи, унаследованной сыном Чингисхана и отцом Батыя - ханом Джучи) расчищал себе плацдарм для

перерастания из метастазы в самостоятельную раковую опухоль - Золотую Орду. Сформировалась Золотая Орда в 1240 году - когда завоеванные татаро-монголами княжества были обложены данью, - это явление знаковое, и имеет онкологическую параллель.

Батый (Бату) Саин-хан, впервые установил имперскую систему на территории будущей России.

Отличие раковых клеток от здоровых в том, что они не несут никакой функциональной пользы, но жестко ориентированы на питание. Не пораженные раком клетки и органы различны по своему назначению, дифференцированы, за питание "платят" теми ролями, которые они играют в организме (участвуют в общих процессах, жизнеобеспечении, поставках и обмене веществ, коммуникациях, обработке информации и проч.), т. е. находятся в различных взаимоотношениях, тем самым образуя систему. Раковые же клетки не дифференцированы, стереотипны, никакого внешнего назначения не имеют, в отношения не входят, от всех и вся отталкиваются (анти-отношения), могут только питаться и размножаться. Они не образуют системы, а их популяции существуют в виде гомогенного сорища, вируса, паразитирующего на системе, и с нею же борющегося, ее проедающего и, в конце концов, уничтожающего, если система не уничтожит их во-время..

В отдельных случаях раковые клетки в тыловых и центральных участках опухоли могут организовываться структуру, напоминающую систему организма (железы, протоки), образовывать подобие здоровой ткани - т. н. "строму". Но при ближайшем изучении оказывается, что это не система, а только ее имитация. Вирус выстраивается не для автономного полноценного функционирования, а всего лишь для лучшего перераспределения изымаемых из системы ресурсов питания, т. е. в паразитических целях.

Такой псевдоструктурой является имперская "вертикаль" ("пирамида") властилевой половины сознания Социума,

осуществляющей оперативные функции, без Правой половины власти волхвов, осуществляющей культуру, нравственность, волю народа, которая сегодня «размазана в народе». Такая псевдоструктура в принципе не ориентирована на воспроизводство, а лишь на отображение и перераспределение ресурсов, добываемых, возделываемых и воспроизводимых культурой (от лат. cultura - образование, возделывание, развитие, воспитание, почитание). Культура и имперская антикультура соотносятся между собой точно так же как организм и раковая опухоль - как система и вирус соответственно. Если культура всегда являет собой уникальную систему (иерархию, шкалу) ценностей, то имперская антикультура держится на стерилизации систем ценностей, синтезе, унификации, что их просто уничтожает (ценности не складываются и не усредняются, это не цифры и не деньги). Империя есть рак в голове государства. Подобно тому, как раковые клетки способны только безудержно делиться и поглощать пищу, так и в империи актуальны только примитивные материальные ценности, причем не обязательно заработанные. Нынешний мировой кризис наглядно продемонстрировал агонию мировой империи США.

«Халява» как привнесенный вирус.

В современном русском языке нашлось точное емкое слово для обозначения ценностей не просто материальных, а именно дармовых, не соотношенных с приносимой пользой, экспроприированных, отобранных обманом или силовым путем, присвоенных воровством, неадекватными привилегиями, незаслуженными преференциями, печатанием конфетных фантиков (иудейских долларов США). Все эти смыслы собраны в слове "халява", которое вполне заслуживает причислению к литературному, поскольку, скорее всего, этимологически произошло от индуистского "халава" - ритуального кушанья, раздаваемого прохожим бесплатно; русского наречного "халява" - рот, пасть, зев. Вытеснение этого слова на жаргонные задворки, несмотря на его

уникальный смысл, наверное, вызвано избеганием неприятного осознания того, что "халява" давным-давно является основной ценностью иудеохристианства, главным стимулом-соблазном представителей имперского вируса, которые сами не свои от "халявы", как и их биологическое зеркало - раковые клетки.

Итак, годом основания Золотой Орды, а заодно и современной России, наверное, с точки зрения христианской парадигмы считается 1240 год, год установления дани, т. е. легализации "халявы", манифестации состоявшегося имперского вируса как опухоли, а не просто метастазы. Это качественно (точнее - злокачественно) совершенно новое образование. Далее все события в империи (как говорят онкологи - "в зоне инвазии") уже идут в контексте удобства сбора дани: татаро-монголы установили самодержавие (тогда называлось - "ханат"); занялись организацией почтовых трактов; обязали население ямской повинностью; произвели общую перепись населения (начало крепостничества - российского варианта рабства, сохраняющегося в отдельных проявлениях и поныне, например - в институте прописки/регистрации); ввели однообразное военно-административное устройство и податное, а также установили общую для всех русскоязычных областей монету - серебряный рубль.

Для местной знати татаро-монгольское "иго" было безусловным благом. До Орды князья на Руси жили как на сковородке. Вас не удивляет клич славян «Придите княжить (княжить по словянски)!». Нас тоже! Вся власть была у народа (у волхвов). И если князь спал как Брежнев, пил как Ельцин, их вполне могли принести в жертву в ближайший праздник. С приходом ханов этот кошмар закончился. Достаточно было проявить холуйскую преданность, чтобы приобрести в Орде ярлык для сбора дани (опять же - основного занятия имперского вируса), гарантирующий пожизненные привилегии, силовую защиту от любых посягательств на свою власть от кого бы то ни было, как на святой имперский механизм изъятия дани-халявы.

Мало кто задумывается, что расцветшая в России 90-х годов XX века формула успешного псевдо-бизнеса западной демократии, основанного не на производстве, а на обмане, состоящая в триединстве "лохи-кидалы-крыша" - это привет иудаизма из Золотой Орды, где центральная ханская власть "крышевала" князей, выполнявших роль "кидал", а черни, естественно, отводилась роль эксплуатируемых и ограбляемых "лохов". Как и в случае со словом "халява", в отношении понятия "лох" следует заметить, что это слово вполне достойно быть легальным, тем более что оно в литературе уже употреблялось, например поэт Федор Глинка в стихотворении "Дева карельских лесов" (1828) писал: "...лох, добыча жадных" - так называли в Архангельской области неповоротливых глупых переростков рыбы...

Историки часто делают ошибку, считая причиной завоевания территорий будущей России физическую слабость раздробленных княжеств. Это, было определяющим фактором на этапе военного грабежа ханом Батыем в ходе походов 1236-41 гг., но там речь может идти лишь об одном из злокачественных проявлений - типа метастазы. И совсем другое проявление рака - сама опухоль, стационарный злокачественный вирус, т. е. империя. Здесь физическая сила играет вторичную роль. Подобно тому, как здоровая клетка организма перерождается в злокачественную, вдруг обнаружив, что можно вольготно жить, не неся никакой функции, только присоединившись к толпе "халявщиков", так и знать соблазнялась выгодой, которую давал переход в подчинение хану. Князья, если выразиться на языке 90-х, "ставились под крышу", в т. ч. и легендарный Александр Невский, которому Батый писал: "Мне покорились многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сбереечь землю свою, то приходи поклониться мне, и увидишь честь и славу царства моего".

На примере А. Невского воочию можно убедиться, что физическая военная сила, на которую делали ставку, например, шведы, Ливонский и Тевтонский ордена, разбитые войском А. Невского в 1240 г. на р. Неве, и в 1242 г. на Чудском озере

соответственно, не могла возыметь того результата, которого добился Батый без единого выстрела простым "крышеванием", в итоге которого А. Невский получил ярлык великого князя, поставленного над всей территорией бывшей Руси. И князь-патриот большую часть времени своего "великого княжения" (7 из 11 лет) провел в Сарае, проявил большое усердие и рвение, совершая карательные экспедиции и подавляя восстания против монгольских переписчиков в Новгороде и других городах, ставших колонией ордынской империи.

Такие мутации из здоровых клеток в раковые, как в случае с А. Невским - перерождения князя-героя в коллаборациониста, конечно, не могли не происходить без протекции церкви - главной и единственной идеологической опоры тогдашнего общества, духовно ослабившей славян перед очередным, теперь монгольским нападением Степи.

Крещение Руси – частный обряд князя.

Принято считать, что православная христианизация народов, впоследствии вошедших в Россию, началась с т. н. крещения Руси в 988 г. "равноапостольным" князем Владимиром Святославичем. Однако получается, что князь так умудрился совершить сей эпохальный исторический акт, что о нем не осталось никаких сведений не только в европейских (польских, чешских, венгерских, немецких, итальянских и пр.) источниках, но и сами главные крестители-миссионеры - болгарская и константинопольская (византийская) патриархии никаких документов об этом не оставили. Скорее всего, за "крещение Руси" выдается частный обряд собственного крещения князя и его вассалов, обусловленный решением проблемы самозванства Владимира. Православие было выбрано не по каким-то духовным преимуществам, а по вполне банальной причине - оно и только оно освящало и легитимизировало власть князя, незаконно узурпировавшего ее в Киеве, т. е. делало то, что делало и на своей византийской

родине в отношении императоров, в основном приходящим к власти также сомнительными способами...

Действительный же неоспоримый расцвет православная церковь получила при татаро-монголах. Это была осознанная политика прародителя Монгольской Империи Чингисхана (1155-1227): "Уважаю и почитаю всех четырех (Будду, Моисея, Иисуса и Магомета) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником". Иными словами, ханы готовы были поддержать веру хоть в черта с рогами, лишь бы местная религия служила империи. Ничего лучшего, чем православие, представить себе невозможно - это был для ханов просто подарок судьбы. Империя с ее рабством входила как вилка в розетку в среду, подготовленную православной церковью, имперской по своей идеологии. Церковь от (по ее определению) язычников татаро-монголов получила невиданные до и после "ига" преференции, империя за верную службу делилась с церковью своей долей "халявы". Хань выдавали русским митрополитам золотые ярлыки, ставившие церковь в совершенно независимое от княжеской власти положение. Суд, доходы - все это подлежало ведению митрополита, и церковь быстро приобрела материальные средства и земельную собственность.

В 1270 г. хан Менгу-Тимур (?-1282) издал следующий указ: "На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства... Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они о нас".

Хан Узбек (?-1342) еще расширил привилегии церкви: "Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь,

часовню, тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога".

За ханский протекционизм церковь должна была платить и платила коллаборационизмом, а по-простому - предательством. Вот, например, "Ярлык хана Узбека митрополиту Петру":
"...да пребывает Митрополит в тихом и кротком житии безо всякия голки; да правым сердцем и правою мыслию молит Бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наши племя (языческое татаро-монгольское - прим. авт.)... а от соборныя церкви и от Петра Митрополита ни кто же да не взимает, и от их людей и от всего его причта: те бо за нас (язычников - прим. авт.) Бога молят, и нас блюдут, и наше воинство укрепляют... А Попы, и Дьяконы, и причты церковные пожалованы от нас по перьвой нашей грамоте, и стоят молящися за нас... Так слово наше учинило, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту сию крепости ему для, да сию грамоту видяще и слышаще вси людие, и все церкви, и все монастыри, и все причты церковные, да не преслушают его ни в чем, но послушни ему будут, по их закону и по старине, как у них изстари идет. Да пребывает Митрополит правым сердцем, без всякия скорби и без печали, Бога моля о нас и о нашем царстве"...

Такая "симфония" ханского государства, местной знати и православной церкви обрекала народ на безысходное рабство, которое является обратной стороной "халявы", т. е. неизбежным следствием имперского злокачественного уклада общества. Булки с неба не падают и полезные ископаемые сами из земли не выпрыгивают. Чтобы что-то отнимать, нужно это "что-то" вырастить, добыть, произвести, однако имперская "вертикаль" к воспроизводству не приспособлена. Это статичная иерархия, эффективная только на войне, в грабеже, а в мирных условиях являющейся колонией трутней, сплоченных вокруг "халявы", по сути - оккупационной паразитирующей надстройкой. Отсюда и неизбежность подневольного труда и грабежа в империи.

Рабство и халява.

Рабство вытесняется из общественного осознания, наверное, по тем же причинам, что и "халява" - как одно из неприглядных фундаментальных российских неизбежностей, о котором не хочется говорить, т. к. это идет вразрез с имперским историческим подходом, точно сформулированным шефом жандармов графом А. Х. Бенкендорфом: "Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана".

Ангажированные историки, творя розовую имперскую мифологию в жандармском ключе, дошли до того, что вообще отрицают рабство в России, доказывая, что российские народы из первобытной общины сразу шагнули в феодализм. Такое стремление избежать проблему рабства понятно, т. к. сказав "А", придется говорить "Б": если признать золотоордынский уклад как рабство, то что тогда означает такое понятие как "иго"? Не удастся всё свалить на татаро-монголов, неизбежно всплывет, что "освобождение от ига" - это всего лишь идеологический миф. Просто каждая последующая реинкарнация имперского рабства (реставрация раковой опухоли) критикует предыдущую, доказывая, что вот, мол, уж теперь-то вовсе не то, что было раньше, с гнетом покончено, впереди будущее, и "...оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение". Так дистанцировались цари от татаро-монголов, большевики - от царизма, демократы - от коммунистов, тем временем выстраивая ту же самую рабскую схему, только всё более изощренную, каждый раз под новой вывеской. При этом корни неизменно находятся не в предыдущих реальных лиходеях, а в далекой и виртуальной как град Китеж "Святой Руси"...

А какая, собственно, разница рабу кто будет на вершине грабящей пирамиды - татарский хан, или русский царь? Что меняет национальность угнетателя? Разве в то время был в ходу национализм, и освобождали от "ига" какие-то скинхеды? О каком "падении ига" может идти речь, если податное,

налоговое бремя, установленное татаро-монголами (10%) после "освобождения" только увеличивалось, и даже сегодня выглядит просто смешным? Чем отличается от рабства российское крепостничество, дошедшее к XVII веку до практики продажи крестьян без земли наподобие африканских негров в Америку, которые, в отличие от русских, сегодня добились-таки права называть вещи своими именами?

С какой стати Куликовская битва 1380 г. подается как разгром татаро-монголов, если Дмитрий Донской (1350-1389) присягал на верность законному хану Тохтамышу, выступая против претендующего на звание великого хана самозванца Мамая, и в войске Донского наравне с другими воевали татары? Всё говорит о том, что эта битва, не оставившая, кстати, ни одного артефакта, даже наконечника стрелы, есть примерно то же самое, что и "наведение конституционного порядка" федеральными войсками в Чечне в 1994 г. Т. е. значение победы Дмитрия Донского прямо обратное тому, которое декларируют некоторые историки - укрепление, а не ослабление центральной ханской власти, тем более что победа Донского нисколько не помешала Тохтамышу уже через два года после Куликовской битвы разграбить, сжечь Москву дотла, и спокойно продолжить сбор дани. Действительный полный разгром Тохтамышу и Золотой Орде нанес Тамерлан (1370-1405) в 1391 г., но после чего отвернул от похода по северным колониям, махнув рукой на порядком разграбленные и опустошенные ордынским рабством земли. Однако свято место пусто не бывает, приученность к сбору дани (платили после разгрома Золотой Орды невесть кому еще почти сто лет!) не могла несколько позже не найти нового "халявщика". Не мог не возникнуть новый имперский центр, в более удобном географическом центре колоний - Москве.

Незадолго до того первую попытку переместить столицу из слабеющего далекого Сарая в Москву предпринял Иван Калита (?-1340), внук А. Невского, вор, мздоимец и казнокрад, холуйски вылизавший в Орде, как и дед, ярлык на сбор дани. К. Маркс, например, охарактеризовал И. Калиту как "смесь татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного

холопа". "Достоинства" Калиты органически естественно предопределили универсальную характеристику для последующих российских правителей, пред одиозностью которых мерзнут и престыженно отступают татарские ханы, как бы их ни старались демонизировать историки.

Чего стоит фигура Ивана Грозного (1530-1584), окончательно доказавшего, что дело татаро-монголов живет и побеждает - их империя при Иване IV возникла в новой реинкарнации - Московском царстве, формальным отличием которого от Золотой Орды было лишь то, что вместо хана появился царь (этимологически происходящего от древнеримского "кесарь"). Существенной же разницы никакой не было, это была всё та же имперско-рабский вирус, рецидив злокачественного деструктивного образования. Такая преемственность предопределила и дальнейшую "уникальность" Российской империи, несколько отличающейся от других: если империи традиционно грабили колонии в пользу метрополии, то в России же получилась "империя наоборот" - так как она была образована на ордынских колониях, то, став как бы метрополией, так и остались разграбляемой кормушкой. Изменилось лишь направление круговорота "халявы" в природе империи - в этом и есть вся самобытность России.

Такое привнесенное из вне российское "ноу-хау" дало уникальные возможности в присоединении к империи новых территорий - вместо военной силы часто использовался подкуп, приглашение окраинных народов и государств к "халявному" пирогу грабежа центральной России. Патриоты зачастую гордятся тем, что Российская империя относительно мало приложила военной силы для своего расширения. Однако умалчивается кто и чем за такие "мирные завоевания" платил, что работала всё та же схема "крышевания", работающая безотказно по сию пору. Всё это, конечно, происходит на фоне традиционной выморочной политики в отношении народов центральной России, которую еще в своё время с успехом восстановил Иван IV после перерыва, данного смертью Золотой Орды, околевшей естественным образом ввиду того, что эта раковая опухоль просто сожрала все ресурсы.

Иван Грозный предпринял два похода на Астрахань (1554 и 1556 гг.), и лишь много позже до него не дошло, что империя держится не на военной силе, а на "халяве", и в конечном итоге занялся возрождением института татаро-монгольских баскаков (от тюркск. - давитель), теперь, в московском ханстве, ставших называться опричниками. "Опричина" означает то же самое, что "халявщина" - опора империи, прикормленный контингент, занятый отъятием (экспроприацией) и потреблением чужих ресурсов.

Никоновская летопись пишет: "И царь и великий князь гнев свой положил... бояре и все приказные люди его государства людем многие убытки делали и казны его государьские тощили, а прибытков его казне государьской некоторой не прибавляли, ... и собрав себе великие богатства, и о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети... и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати... принял на том, чтобы ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своем государстве себе опришнину..."

Вот и истинная российская имперская "метрополия" обнаружилась - не территория, не народ как в других империях, а каста избранных "давителей", получивших право убивать и грабить под предлогом искоренения государственной "измены". Проявилась традиция привлечения к карательным функциям различных интернациональный сброд, не прижившихся в своих культурах, выходцев из неведь каких окраин, бичей, не имеющих никакой системы ценностей, чуждые всему на свете кроме "халявы", и в своем патриотизме, преданности "халяводателю" - империи, святее папы римского. Кто-то вешает всех собак за репрессии в XX веке на чекистов-коммунистов, а меж тем они лишь наследники традиций баскаков и опричников, просто наиважнейший институт

имперского "халявного" вируса, и неизбежно будет в том или ином виде восстанавливаться пока жива империя, как ее фундаментальный атрибут, российский вид нетерриториальной метрополии. Принципиально неизменно и логично, что Россия - тюрьма для представителей исконных и развивающихся культур, и она же - клондайк для разного рода проходимцев, "общечеловеков", жаждущих легкой жизни и скорой наживы, автоматически причисляющихся в российскую "метрополию" просто по факту своей первобытной непринадлежности ни к какой культуре, неподдержания никакой системы ценностей.

«Стаптывание» по ноге России.

Реванш ордынской империи в середине прошлого тысячелетия не мог не сопровождаться и реваншем византийской церковности. Однако постепенно иудохристианство стало «стаптываться» по ноге Руси. В лишенном на некоторое время имперской "крыши" христианстве стали появляться ростки действительно духовной религиозности, уникальной самобытности, возникли секты стригольников, нестяжателей - "заволжских старцев", т. н. "ересь жидовствующих" (названной так не потому что имела какое-то отношение к евреям, а просто в целях очернения и демонизации еретиков). Не отрицая учение Иисуса Христа, у многих верующих возникло расхождение с православием, как религией священной материи - идеологическом базисе "халявы", конфликт с церковной иерархичностью, монашеством, таинствами, физическими чудесами, поклонением мощам, иконам, появились требования отказаться от церковных землевладений и церковных крепостных, прекратить практику симонии - купли и продажи священнического сана. Таким образом, в церковной жизни творилось то же самое, что и в светской - еретики (так назывались в духовной жизни те, кто в свету именовался "изменниками") по-своему церкви "убытки делали и казны тощили". Соответственно и расправа с ними была не менее жестокой, чем со светскими "изменниками".

Конечно, угроза частным материальным благам, "халяве" - это не самое главное в подавлении инакомыслия. Самую большую опасность для империи несет славянская культура, которая так и норовит расцвести на почве реального воспроизводства, исходит из природных, географических и других реалий, складывающихся естественных систем отношений. В этом смысле действуют в одном ключе как террор государства, направленный в XVI в. на земство, так и террор церкви, каленым железом выжигающий реальную духовность, которая призвана не вырывать верующего в виртуальные грезы, а наоборот - регулировать, делать конструктивным невидимый мир актуальных для жизни идей и действительных отношений, не отвращать от очевидности, а раскрывать на нее глаза.

Хищник наступает.

Ангажированными историками отрицается существование не только рабства, но и инквизиции в России, которая на самом деле тянулась всю историю российского православия вплоть до XVIII века. Российские инквизиторы жгли, рубили головы, четвертовали, вешали, топили, вырывали языки, выдавливали глаза, вырезали ноздри, ломали кости, подвешивали за ребра, замораживали, скармливали зверям, пытали дыбой, клещами, морили до смерти голодом, дымом, и т. д. и т. п. Отрицание российских вариантов рабства и инквизиции - это проявление того же рабского мышления. Жизнь, страдания, смерти рабов цинично ни во что не ставятся, это в имперском отчужденном понимании как бы само собой разумеющиеся жертвы, которых и упоминать не стоит. Такое отношение к людям проявилось во всей красе и в XX веке, когда, скажем, гитлеризм оценивается как однозначное зло, а сталинизм - далеко не так, хотя сталинский режим уничтожил в репрессиях, голодоморах и войне людей намного больше, чем германский фашизм, но это была смерть "своих" рабов, которая ничего не значит в сравнении с огромной имперской исторической миссией, которая на поверку всегда оказывается пшиком...

Нет смысла здесь подробно описывать дальнейшую историю России до XVIII века, представляющую собой сплошное кровавое месиво войн, казней, расправ, постоянной болтанки вверх-вниз: развалов-самоуничтожений империи и последующих кровавых ее восстановлений. Любая деструктивная система отличается от конструктивной именно такой "болтанкой" - взлет-падение, взлет-падение, крах-реванш, крах-реванш и т. д., и имперская система тут не исключение.

Вот только бесконечно такое хождение по одному и тому же кругу продолжаться не может. Даже частичное ослабление репрессий, казней и церковной инквизиции в середине XVIII века привело к фатальным для империи последствиям - немедленному взлету русской культуры, альтернативной и антагонистичной имперскому внекультурализму.

7. Взлет славянской культуры.

Нельзя всерьез говорить о русской культуре до пушкинских времен. Если бы не было XIX века, то о существовании русской культуры никто в мире ничего бы не знал. До того были лишь какие-то неясные фрагменты, не образующие единой системы. А.С. Пушкин появился с первой твердой манифестацией старта русской культуры, как необратимо утверждающейся, молодой, уникальной, отличающейся от любых других, каковой и должна быть реальная культура.

Пушкина, наверное, называют "наше всё" потому, что в своем творчестве он собрал все славянские ценности, имеющиеся в поле зрения в какой-то синкретический, еще неразделенный конгломерат. В произведениях поэта прослеживается конфронтация с деструктивными имперскими приоритетами. Если, например, в "Сказке о попе и о работнике его Балде", "Сказке о рыбаке и рыбке" Пушкин показал всю тщетность стремления к "халяве", то, например, более высокую философскую проблему отчуждения поэт поднимает в "Евгении Онегине". В нем любовь, будучи в отчужденном обществе чужеродным элементом, болтается как

неприкаянная, такая же лишняя, как и "забав и роскоши дитя" - Онегин, сын "халявного" общества. Любовь в романе не глубока и деструктивна - не гармонизирует отношений, не совпадает с браком, всех делает несчастными. А поэт Ленский вообще оказывается убит, причем глупо, нелепо и походя, хотя вроде бы эта трагедия приводит в чувство (в буквальном смысле) Онегина, изначально неспособного к глубокой любви человека. Это тот же литературный типаж, к которому относятся Печорин у М.Ю. Лермонтова, Чацкий у А.С. Грибоедова, Базаров, Рудин и Лаврецкий у И.С. Тургенева, Обломов у И.А. Гончарова. Литература XIX века выдвинула этот сонм "лишних людей" не случайно, издревле в России человек, не принадлежавший ни к одному из рабских сословий (челядь, холопы, смерды и пр.) назывался "изгоем", был лишним в иерархическом обществе, т. е. "лишность" - это обратная сторона рабства, имперской раковой вирусе. Но с другой стороны, это и первый шаг к формированию новой, свободной, здоровой и конструктивной системы отношений. Имперская антикультура как бы вынужденно формирует себе могильщика в лице отторгаемой русской культуры. Империя иногда пытается превознести культуру, поставить себе в заслугу ее развитие, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все достижения русской культуры происходили не благодаря, а вопреки российскому государству, мало кто из представителей русской культуры не оказывался сам в положении "лишнего человека", опалы, обструкции, а то и подвергался преследованиям, репрессиям со стороны власти.

Как имперская церковь старается религию, призванную заниматься нематериальным, подменить священной материей, точно так же и имперская антикультура, будучи обреченно материалистической, пытается выдать за русскую культуру только матрешек с балалайками, сарафаны с хороводами, гармошки с частушками. Но не этот лубок представляет сущность культуры, а нематериальная система отношений, наивысшим конструктивным проявлением которых является любовь - антипод отчуждения, враг всех деструктивных антисистем. Как по уровню ненависти (крови, войны) можно

судить о состоянии антикультуры, так и по любви можно достоверно судить об уровне развития славянской культуры.

К XX веку любовь, по крайней мере, в изложении литераторов, разошлась на две противоположности: по Ф.М. Достоевскому (1821-1881) - как причуда малахольных юродивых "идиотов", встречающая циничное презрение в приличном обществе, и противоположная любовь по Л.Н. Толстому (1828-1910), у которого она уже достигает шекспировской глубины, драматизма и фундаментальности, бросает вызов "общественному мнению", что было когда-то немыслимо, скажем, в пушкинском "Евгении Онегине". Также любовь еще не была достойным противником "темному царству" отчуждения, скажем, в "Бесприданнице" А.Н. Островского, где не она, а приданое, опять же - материальная "халява" обуславливала общественные отношения. И только толстовская "Анна Каренина" стала русским вариантом "Ромео и Джульетты", где любовь стала уже движущей силой, непреодолимой для устоев сложившегося общества. Такая любовь - своего рода лакмусовая бумажка, показывающая, что наперекор сопротивлению империи сложилась новая система отношений, ценностей, в конечном счете, русская культура удалась. Новорожденная пушкинская клетка пережила митоз, поляризацию на две противоположности - имперскую и собственно русскую. И далее судить о развитии русской культуры, наверное, лучше всего по ее маркеру - любви, значению любви в общественных отношениях и отражению ее в искусстве и литературе.

А вот герои Достоевского представляют антикультуру, болтаются ничем не занятые, не включенные ни в какую систему отношений, не имеющие никакой системы ценностей, такие же функционально бессмысленные празднично шатающиеся элементы, каковыми являются раковые клетки в организме. Мир такого отчужденного человека сужен до самокопания, он занят метафизикой нижнего белья. Не случайно Достоевского своим учителем считал, например, Зигмунд Фрейд, отец и основатель материалистического тупика психологии - психоанализа, в своем раскапывании половых отношений

умудряющегося обойтись без рассмотрения вопроса любви, сводя всё к одному физиологическому сексу.

Такой же тупиковой предстает и религия по Достоевскому, материалистическая, а потому мистическая, иррациональная, по сути - идолопоклонство, доведенное до своего апогея, превращающее в идола самого Христа. "Если мне докажут, что истина вне Христа, я предпочту остаться с Христом, а не с истиной" - говорит Достоевский устами Ставрогина в "Бесах". Божество Достоевского лишено истины, смысла, правды и справедливости. Это истукан, пред которым только и остается, что закатывать глаза повыше, уходя в мир иллюзий и отчужденности.

Иное дело религия у Л.Н. Толстого. Еще в дневнике от 5 марта 1855 г. он пишет: "Разговор о божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта - основание новой религии, соответствующей развитию человечества: религии Христа, но очищенной от веры и таинственности; религии практической, не обещающей будущего блаженства, но дающей блаженство на земле". Такое устремление Толстого перекликается точно с таким же направлением религиозной мысли конца XV - середины XVI вв., когда империя ненадолго ослабила пальцы на горле культуры, и тоже появился анти-материалистический и реалистический оппортунизм в русском христианстве.

8. Оживление славянства.

Наверное, опрометчиво говорить о существовании какой-то культуры, если она не породила своей религии, т. к. любая религия представляет систему духовных ценностей, встроенных в общую ценностную шкалу данной конкретной уникальной культуры. Жесткую взаимозависимость между конкретной культурной системой ценностей и религией доказывает, например, полная межрелигиозная непримиримость - системы ценностей принципиально

несводимы вместе, не суммируются и не усредняются, могут быть либо уничтожены, либо развиваться, давая дорогу развитию новых религий и конфессий...

Православие (как иудохристианство, стаптавшееся по ноге России), несмотря на свои византийские корни и универсализм, не признающий ни национальных, ни культурных различий, всё время воюет за звание русской религии, тем самым обесмысливая самоё слово "русский". Если это слово не означает ничего уникального, славянского, то в нем нет никакой необходимости, достаточно слова "общечеловек"...

Совершенно естественно, что русская идея в понимании Достоевского должна носить в себе "в высшей степени общечеловеческий характер", должна быть "синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях", что "мы (русские - авт.) хотим быть не русскими, а общечеловеками". Такими стерилизованными "общечеловеками" были например, древние римляне, оставившие после себя лишь один мертвый язык. На территории, очищенной от древнеримских "общечеловеков" и расцвели "отдельные национальности", а русские, по мнению Достоевского, должны, оказывается, развернуть этот процесс наоборот, фактически повернуть эволюцию вспять, что дико и бессмысленно.

С точки зрения иудохристианской парадигмы предназначение русских было такое же как у римлян, т. е. умереть и не оставить потомства, что бы и произошло, если бы империя не прокололась, выпустив однажды джина из бутылки - допустив развитие действительной русской культуры, неотъемлемой частью которой стали, кроме прочего, религиозные начала, положенные Л.Н. Толстым в его публицистике: "Соединение и перевод четырех Евангелий", "Критика догматического богословия", "Что такое религия и в чем сущность ее?", "Церковь и государство", "Закон насилия и закон любви", "К духовенству" и многое другое. Значение религиозного подвижничества Толстого, наверное, в том, что он впервые

твердо и основательно приступил к генеральной чистке христианского учения от наслоений лжи и абсурдизма, языческих рудиментов мистицизма, магии, колдовства, таинственности, материалистического обрядничества, церковничества, священно-предмето-поклонства и других паразитов на теле религии, которые, например, в православии утверждают, что они-де и есть собственно религия (точно также, как имперский вирус утверждает, что он-де и есть единственно возможная система, и его антикультура является действительной культурой).

Такую ревизию Толстой не мог бы произвести с каких-то безликих общечеловеческих позиций, не имея твердо сложившихся славянских ориентиров. В его мировоззрении во главе угла стоял русский идеализм, основная "русская святоотеческая традиция" - духовное важнее телесного, идея в приоритете над материей, что диаметрально противоположно царящему в России материализму, идеологии "халявы". Другие первичные ценности, поднятые Толстым на пьедестал: любовь и отношение - в пику отчужденности, правда и очевидность - против абсурдизма и нелепицы, логика и системность - вместо эклектичности. И пусть Толстой не сформировал окончательно новой русской религии, будучи в некотором смысле рационалистом, не понял на тот момент, например, символических смыслов Воскресения, Апокалипсиса, неясно объяснил смысл непротивления злу - наверное, тогда еще было рано, (не было археологически добыты те славянские знания, которые имеются сегодня), но это нисколько не умаляет значения того боя, что в его лице дала действительно русская славянская система ценностей против имперского внеценностного вируса. В броуновском смешении всего и вся обозначились четкие вектора-направления развития русской славянской культуры, сепарировавшейся от традиционной российской антикультуры.

Толстой сожалел: "Людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня". Но никакого значения не имело физическое количество носителей новой системы ценностей. Качество, воздействие идеи было таково, что, например, известный

публицист, адвокат А.Ф. Кони (1844-1927) писал: "Пустыня вечером кажется мертвой, но вдруг раздается рев льва, он выходит на охоту, и пустыня оживает; какие-то ночные птицы кричат, какие-то звери откликаются ему; оживает пустыня. Вот так в пустыне пошлой, однообразной, гнетущей жизни раздавался голос этого Льва, и он будил людей".

Масштаб и правда Толстого были столь значительны, что даже церковь не рискнула предать его, при всем его радикальном еретизме, обычной анафеме, а чтобы не потерять лицо окончательно, обескураженный Синод выпустил довольно тщедушное "Определение" (от 20-22 февраля 1901 г.), в котором лишь уклончиво сетовал об отпадении Толстого от церкви.

Точно также опасливо и осторожно относился к Толстому и царь. Публицист и издатель А.С. Суворин (1834-1912), например, писал: "Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинаяют, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост".

В Евангелии Иисус Христос говорит: "Царство Мое не от мира сего" (Ин. 18:36). Точно также мог сказать и Толстой, царствовавший как Христос не в физическом, а в идейном мире. В то время как царь идейный Л.Н. Толстой являл становление, "воскресение" русской системы ценностей, в это же самое время царь физический, формальный Николай II демонстрировал распад и деградацию имперской вирус, очередную гибель, катастрофу раковой опухоли.

Имперский вирус действует.

Как в капле воды российская взаимосвязь "халявы" и катастрофы отразилась в глупейшей, но симптоматичной

трагедии 1896 года на торжествах на Ходынском поле в Москве, устроенных по случаю коронации Николая II. На всенародных гуляньях по официальным данным погибли 1389 человек, около 1500 получили тяжелые увечья (неофициально распространилось, что пострадавших было 20 тысяч).

Каждому пришедшему на празднество был обещан узелок из цветного платка, в котором содержались жалкие подарки императора - сайка, полфунта колбасы, немного конфет, пряников, и эмалированная кружка с царским вензелем. Откуда-то возник слух, что царских подарков на всех не хватит. Никто не хотел остаться без "халявы", и все бросились к буфетам. Возникла давка, приведшая к жертвам...

Примечательно то, что после трагедии на Ходынском поле царь и царица отправились в Петровский дворец, где был дан царский обед волостным старшинам, а вечером они посетили бал, устроенный французским послом. Николай II, будучи флагманом и образчиком раковой отчужденности, позволившей ему слыть "тишайшим" вкупе с "кровавым", такое поведение демонстрировал и дальше, например, когда, получая известия о гибели русской эскадры в Цусиме в 1905 г. (в результате чего победа в войне с Японией становилась фактически невозможной), скрупулезно описывал в своем дневнике "чудную погоду", прогулки, развлечения, катания верхом. Также отчужденно царь мог рассматривать и обсуждать карикатуры в английском журнале, когда ему докладывали о гибели десятков тысяч русских солдат на фронтах Первой мировой войны. И, как его исторический прообраз, тоже отторженный, слабовольный и потому "тишайший" царь Алексей Михайлович (1629-1676) сделал всю страну заложницей паранойи одержимого патриарха Никона, так и Николай II делегировал всю фактическую власть мракобесу Гришке Распутину, ориентируясь на его советы даже в проведении военных операций. На самом вершине имперской пирамиды разыгралась типовая комедия "Села Степанчиково" по Достоевскому, с Распутиным в роли Фомы Фомича. Именно в вакууме отчуждения распоясываются тираны и узурпаторы...

Итак, империя и ее идеологический аппарат - православная церковь вползали в XX в. как кролик в пасть к удаву, к своему полному краху, приведшему к падению "священного" самодержавия и февральской революции 1917 г. - "Русь слиняла в два дня. Самое большее - в три" (В.В. Розанов) Однако покончить к деструктивным вирусом было невозможно, империя в своём цеплянии за соломинку сумела-таки создать "мостик", переносящий раковое заражение в будущее - сумела ввинтить народы в Первую мировую войну (1914-1918 г.). Империя провоцирует войну, а потом война восстанавливает империю, как самую эффективную милитаристскую структуру, т. е. война сыграла роль передачи деструктивной эстафетной палочки царского ханства ханству новому.

Православие выдыхалось, поскольку, например, после отмены обязательного причастия в армии летом 1917 г. к чаше добровольно пошла лишь десятая часть военнослужащих. Церковный божок умер в ницшеанском смысле.

Большевистский имперский вирус

Требовалось найти какой-то невероятный изыск, чтобы завернуть российский империализм в новую упаковку, и такой ход был найден в виде большевистской идеологии, обеспечившей быстрый имперский реванш, издевательски названный потом "Великой октябрьской социалистической революцией". Марксизм-ленинизм был преемником имперской идеологии и православию по ряду основных позиций, например:

- материализм коммунистического учения и материализм церковной религиозности, состоящий в поклонении священным физическим предметам и действиям - и те и другие сакрализовали священную материю;

- отталкивание значимой реальности от "здесь и сейчас" в коммунистическое "светлое будущее", "царство коммунизма",

наподобие церковного загробного Рая (заветной мечты халявщика - беспредельной "халявы");

- и там и там воображаемое реальнее очевидного, реальные и актуальные проблемы несущественны и иллюзорны - это всего лишь временные и частные "отдельные недостатки", которых в светлом будущем не будет, или происки несправедливых "врагов";

- взамен церковному "нет ни эллина, ни иудея" выдвигается идентичная идея коммунистического интернационализма, как новое оружие подавления культурно-ценностной уникальности, автоматически ведущее к уничтожению культуры вообще, возвращению во внекультурное первобытно-общинное полуживотное состояние...

То, что раньше никак не осмысливалось, не афишировалось, стало приобретать теоретические очертания:

- марксистская теория прибавочной стоимости придавала научный вид "халяве", реализуя надежду на справедливую "халяву" в условиях социалистического общества - что-то типа того, как если бы пираты предложили по-честному делить с жертвами награбленную у них добычу;

- дальнейшее продолжение отчуждения, теперь уже отчуждение средств и орудий производства, земли, частной собственности, результатов труда. Нарушение тождества между полезностью и оплатой труда - это и есть зеленая улица "халяве", т. к. функциональность - это как раз то свойство, которое отличает систему от вируса, вирусу для получения благ функциональная польза необязательна;

- поддержка рабства в новом, "научном" виде, не только тотальным отчуждением всего и вся, но и в пропаганде стадности - по марксистско-ленинской теории человек есть последний общественный отношений, не личность первична, а социум, класс (человек на самом деле не классифицируется, для человека нормальна уникальность, а противоположное - либо

болезнь, либо рабство). Например, популярный "революционный" лозунг "Мы не рабы!" содержит в себе отрицание самой себя - не рабом может быть только отдельный человек, мыслящий от "Я", "Я не раб!" - так должна звучать не лживая фраза, а мышление от "мы" (субъектом становится некое несуществующее множественное существо) - это как раз демонстрация стадности и рабства;

Логично, что коммунисты, придя к власти, организовали войну и тотальный террор против представителей бывшей власти и церкви, раздувая озлобленность народа на опостылевшую поповскую и царскую ложь, и тем самым отмежевав себя от идеологии православия, мол, у нас теперь всё совершенно другое. На самом деле изменилась всего лишь словесная упаковка имперской идеологии отчуждения и "халявы", не только не сдавшей позиций, но и получившей новые возможности.

Очень хорошо проблема отчужденности препарирована в произведениях М.А. Булгакова "Бег", "Дни Турбиных". Состояние "халявного" мышления Булгаковым гротескно отражена в романе "Собачье сердце". Если у Достоевского "тварь дрожащая" качала какие-то права, то тут она их докачалась-таки до логического завершения: "В настоящее время каждый имеет свое право", подытожил этот процесс Шариков, и вождевленное "право" свелось лишь к праву на "халяву". "Собачье сердце", наверное, дополняет произведения И. Ильфа и Е. Петрова, показавших в Остапе Бендере эволюционировавший советский вариант Чичикова с Хлестаковым, своего рода ответ Гоголю на вопрос куда несется птица-тройка Русь - а никуда, просто скачет по кругу! Фабула российской жизни осталась всё той же - умный или хитрый "халявщик" разводит "халявщиков" глупых, то бишь всё тех же "лохов", но всё более совершенным способом. Положительных героев нет, поскольку ни с какого боку их не пристроить - они всё те же "лишние люди" за бортом антиутопии российской реальности.

В романе-фантастической "Мастер и Маргарита" М.А. Булгаков сатирически показывает, что тяга к "халяве" у советского человека осталась той же, что и была раньше (очевидно - до революции). "Обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних..." - говорит Воланд, "протестировав" зрителей дождем дармовых денежных купюр, (как это коррелируется с нынешним мировым финансовым кризисом конфетных фантиков – долларов) и устроив в зрительном зале небольшое "ходынское поле".

Не случайны параллели в романе со временем евангельских событий казни Христа - две тысячи лет назад в Иудее была сходная ситуация с современной российской. Римская империя добивала иудейскую культуру, как советская изничтожала русскую, также царствовало отчуждение, суеверия и мистицизм. В одной из редакций романа Воланд искренне удивляется: "Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь"...

Славянское подсознание.

Тем не менее где-то в славянском подсознании, в духовном измерении тема любви живет. Тут, наверное, следует выделить М. Шолохова, его "Тихий Дон", в котором расставание со старым патриархальным укладом, войны и революции ничего в плане проблемы любви не меняют, в романе погибают все три представительницы разных видов любви: любящая высоконравственно безответно Наталья; её противоположность - ветреная распутница Дарья; погибает и страстная, самоотверженная в любви Аксинья. Григорий Мелехов оказывается с мертвой любимой на руках, утративший смысл жизни, наказанный за свою бесхребетность, предательство любви, ставший причиной смерти двух любящих женщин, угробивший и свою жизнь на бессмысленное метание между одинаковыми в своей мерзости белыми и красными, участвуя в их войне "остроконечников" и "тупоконечников", сцепившихся в бессмысленной нанайской борьбе за смену мифологии общества отчуждения. Нет опоры и в земляках, собственная культура просто не сформировалась в

здоровый организм, чтобы быть "третьей силой", и раскидать налетевших паразитов, не дать внедриться ни старой, ни новой раковой опухоли.

В следующем романе - "Поднятая целина" Шолохов, стараясь превознести новый строй, на самом деле показывает, как коммунистическая демагогия о диктатуре пролетариата обернулась традиционной борьбой империи с ненавистным крестьянством, выжигании малейших ростков культуры отношений и насаждении антикультуры отчуждения, новой формы старого рабства. Вооруженный ярлыком для сбора дани - посланный партией коллективизировать (новый эвфемизм старого "колонизировать") деревню, Макар Нагульнов пытается насадить новую мораль обезлички, экспроприации, раскулачивания, отбирания у крестьянина средств и результатов труда, т. е. новое оказалось забытым старым - всё тем же отчуждением, порабощением крестьян теперь уже коммунистическим ханством. Естественно, что любовь, как антагонист отчуждения, и тут оказывается нетерпимым жупелом, Нагульнов, например, говорит: "Какой из него будет революционер, ежели он за женин подол приобвыкнет держаться?.. Бабы для нас, революционеров, - это чистый опиум для народа".

Как бы ни было противно революционерам, но тема любви нашла всё-таки свою нишу, причем в "важнейшем из искусств" - кино. Появляются фильмы, в которых любовь наконец-то побеждает, но будучи встроена в социально-политический контекст, например в к/ф "Богатая невеста" (1937) счастливая любовь дополняет невиданные успехи колхозников, в к/ф "Свинарка и пастух" (1941) служит делу интернационализма. На этом присобачивание любви, от которой уже просто никуда не деться, к нуждам государственного агитпропа не закончилось.

Самую важную роль любовь, наверное, сыграла в гос. идеологии в Великую Отечественную войну. Это была, пожалуй, первая в истории война, где, судя по фольклору, поэзии, фронтовым песням, фильмам солдат шел воевать не

столько за интересы государства (родину, партию, Сталина и пр.), сколько за любовь. Со всех сторон звучало: "...Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих"; "...пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет"; "...мне в холодной землянке тепло от твой негасимой любви", и т. д. Совершенно естественным образом интуитивно сложилось то, что было недоступно никаким рациональным теоретикам - фашизму, оказывается, в сущности противостоят не пушки, не Советский Союз, не антигитлеровская коалиция, а любовь (см. ст. "Любовь победит фашизм"), т. к. фашизм - это такое же детище непримиримого антипода любви - отчуждения, как, впрочем, и российская имперская вирус, только формы разные.

Любовь - это, наверное, единственный реальный, а не декларативный победитель в той войне, и плодом победы стало то, что этого победителя пропаганда не смела больше третировать и оставила в покое на время, достаточное для того, чтобы любовь в жизни людей поднялась на должную планку. Это было действительное неоспоримое достижение советского периода России, хотя бы, как и остальные культурные достижения, развившееся не благодаря, а вопреки государству, либо его попустительством. Любовь стала счастливой, впервые в истории получив право определять отношения. Любовь выдвинулась выше утилитарной пользы, стала признаваться пресловутым "общественным мнением", раньше ее отторгавшем (отчуждавшем). Стал постыден расчет в браке, меркантильность в отношениях между людьми. В общественном сознании был маргинализован, стал недопустимым физиологический секс без любви.

Советский имперский вирус.

Всё бы хорошо, да только параллельно позитивному культурному становлению шел и другой, деструктивный процесс - вирус шел своей дорогой, утяжеляя, например, колхозное рабство, установив немыслимые даже хану Батью продналоги, отбирая всё подчистую в обмен на трудодни, уничтожив при Хрущеве весь скот, запретив проводить газ,

электричество и дороги в "бесперспективные" деревни. Жители бежали, спасались из деревни как от чумы. В итоге советские деятели превратили в ад, опустошили действительный оплот русской культуры - деревню так, как не смогли ни Мамай, ни Гитлер. Собственный враг - российская власть оказался, как всегда, намного страшнее любого самого лютого врага внешнего, ибо чинит грабеж под видом "своего", под благовидными предложениями, называя "родиной" себя - раковую опухоль на организме действительной родины.

Да и в городе, как и везде, "халявщики" не могут эффективно хозяйствовать, их система-пирамида примитивна и разрушительна, и нет таких ресурсов, которые бы ее спасли от самоуничтожения. Поэтому к 90-м годам прошлого века следующий, можно сказать - плановый крах был сформирован, российская "птица-тройка" приближалась к тому ухабу, от которого и ушла.

Ошибочно считать кризис, войну некой из ряда вон выходящей случайностью. Пожалуй, единственное, что деструктивный имперский вирус использует гениально - это катастрофы, которые сама же и формирует. Спровоцировать, как всегда в таких случаях, полномасштабную войну, и через нее завинтить гайки не удалось, получился довольно локальный и бесполезный Афганистан, но зато всё отлично вышло с провокацией экономического кризиса. Народы, как и встарь, оказались просто на краю голода, этого безотказного инструмента "обматеривания" общественного сознания, бульдозера, который сравнивает любую культуру, возвращая людей в начало эволюции - полуживотное состояние вечного поиска корма. Загнать таких в очередное стойло - дело техники, что и было сделано в 1991 году. Снова "Русь слиняла в два дня. Самое большее - в три"...

Либеральный имперский вирус.

И опять реставрация старого имперского вируса была преподнесена как радикальная реформа, почти революция. Вчерашние партийные мурзы мгновенно стали демократами,

клянящими на чем свет стоит себя вчерашних, и доказывающими, что вот теперь-то всё изменилось, свершилась вековая мечта о свободе, впереди либерально-демократическое "светлое будущее".

На самом деле в 1991 г. вирус не только не утратил, а наоборот, приобрел новые возможности. В сравнении с большевистским реваншем 1917 г. он даже не потрудились заменить заметно фигуры "халявщиков". Если раньше тога коммунистической святости как-то сдерживала личное их обогащение, то либеральная идея сняла все препоны. "Халявотворчество" стало тотальным. Насквозь лживая идея демократии, этого порождения имперских рабовладельческих государств, оказалась весьма и весьма родственна и преемственна коммунистической идеологии:

- туманная "власть народа" перекликается с демагогией "диктатуры пролетариата", и там и там гегемония неких общественных образований, личность вне игры, "винтик";

- как у большевиков, так и у демократов критерием истинности является выбор большинства - качество идеи заменяется физическим количеством, таким же материальным козырем, как и у раковых клеток;

- также реальное счастливое существование демократами невротически вытесняется в далекое "не здесь и не сейчас" - построение будущего общества идеальной "халявы", уже якобы построенного где-то там, за границей;

- как коммунисты утверждали, что всё дело в том, чтобы "учиться коммунизму", так и демократы видят решение проблем в том, чтобы научить народ демократически мыслить, т. е. всё так же его переделать на какой-то ими воображаемый лад;

- как коммунисты, так и демократы панически избегают любых сомнений в системе, веря в эффективность замены (выбора, назначения) лиц во власти ("кадры решают всё!") -

мол, выберем (поставим), хорошего начальника, уж он-то наведет порядок в системе, т. е. происходит подмена общего (система) частным (кадры);

- коммунистический интернационализм, стирающий различия между культурами, переименовался в демократический мультикультурализм. Если XXIV съезд КПСС (1971 г.) провозгласил, что сложилась "новая историческая общность - единый советский народ", то в демократической России актуализовались некие "россияне", т. е. те же безликие "общечеловеки";

- как у коммунистов, так и у демократов слепая вера в существование некоего единого универсального, справедливого для всех культур закона и построения на его основе правового государства. На самом деле такой закон может быть только в тюрьме, концлагере или в армии, никак иначе различные культуры жить по одному укладу не заставить. Скажем, в Древней Руси каждое княжество имело свою "правду", каждый народ жил по своей системе ценностей, и только татаро-монгольское рабство установило единый устав-закон. Устав от закона отличается тем, что один деструктивно, силовым методом навязывается как нечто противоестественное сверху, а другой нормализует естественность жизни снизу. С батыевских времен законы в России не естественные, а подавляющие, ограничивающие, интервентные, в конечном счете, разрушительные, для всех чужие...

Так же реверс произошел и в религии. Нельзя войти в одну воду дважды, а вот нырять в г...о - сколько угодно. Примером такого заплыва в одну и ту же суспензию является чудесное воскресение православия в качестве государственной религии. Люди уже порядком подзабыв к чему это однажды уже привело, шарахнулись от коммунистической лжи к церковной, идеология которой от большевистской качественно ничем не отличается. Вчерашние атеисты с легкостью необыкновенной стали миссионерами-проповедниками. Произошло "чудо", такое же, как чудо обращения фарисея - гонителя христиан Савла в апостола Павла, где на самом деле, никакого

превращения не произошло - Павел просто перетащил своих старых идолов в новую религию, сделав из славянской идеи Христа свою полную противоположность - фарисейство в новой словесной обертке...

В либерально-демократический период вирус взял реванш и в отношении любви - прошлые достижения на этом фронте с блеском были сведены на нет. Общество, "обматеренное" кризисом и угрозой голода, отказалось от своего прошлого достижения, место идеалистической любви занял физиологический секс, отношения вернулись к состоянию XIX века, когда их определяла выгода, материальный расчет, любовь вытеснилась, стала изгоем общества, иррациональной угрозой стройному мифу материального благополучия. Счастье заменилось на заменитель - "успешность", сама любовь стала заменяться на поверхностные инфантильные суррогаты и перверсии. Место Бога (славянское "Бог есть Любовь") заняли Мамона (денежный идол) и Сатана (в религии считается князем-символом материального мира).

Актуализовался миф самодостаточного и успешного трутня-халявщика наряду с реальным российским "лохом", в котором угадывался всё тот же щедринский мужик, который не мог жить, не кормя каких-нибудь генералов.

Есть позитив во взлете в 90-е годы лохотронов, обещавших наперебой ту или иную "халяву", безотказную наживку для "лохов" - в народе выросло массовое осознание ранее не понимаемой, реальной, а не декларируемой российской священной троицы "лохи-кидалы-крыша", где все три ипостаси зачарованны, как на иконе Андрея Рублева, чашей с "халявой" (возможно именно это и увидел на иконе Иван Грозный, так ее возлюбивший, что приказал в 1575 году покрыть ее золотым окладом). Выталкивание этого триединства во что-то маргинальное не должно сбивать с толку, тут нет ничего кроме ханжества, вызванного болезненностью осознания плачевной реальности. Об этом говорит и то, как другие, довольно бессмысленные уголовные понятия легко входят в жизнь, например: на самом верху

употребляется "мочить" - блатной эвфемизм слова "убить"; ни один ведущий ни одного телеканала не позволит себе сказать гостю "садитесь", т. к. в уголовной среде так говорить "западло", сидят мол, только в тюрьме, а "нормальные пацаны" говорят - "присаживайтесь", и т. д. Вот такому новоязу - зеленая улица, поскольку он, в отличие от троицы "лохи-кидалы-крыша" никакого нового, постыдного, травмирующего, в конце концов - отрезвляющего понимания российской действительности не несет...

Кроме всего прочего, когда любовь в загоне - это есть маркер упадка всех сторон культуры. Демократическое искусство также постигла глубокая творческая импотенция: формоплетство, лубок, попса и бессильные перепевки, переигрывания, плагиат старого или чужого...

Прогноз и лечение.

Если говорить о лечении России от имперской опухоли, то, прежде всего, следует иметь в виду, что мотивация на излечение у "больного" преимущественно отсутствует. Как раз наоборот: есть стремление сохранить болезнь, содержащееся, например, в вечном вопросе "Как спасти Россию?" И действительно, у деструктивной паразитарной вирусе никакой другой перспективы, кроме гибели нет и быть не может. Поэтому-то и приходится ее спасать, из раза в раз воскрешать этого всегда разлагающегося и смердящего "франкенштейна".

Поэт сказал, что "... в Россию можно только верить", и действительно, спасает российскую деструктивную систему вера, и не просто вера в не постигнутое, а вера как антагонист логики и очевидности, как принятие абсурдизма. Упоение "вечными" и "нерешимыми" вопросами - это маркер избегания очевидного, нежелания решать никакие проблемы, оставить всё как есть. "Вечные" вопросы - это вершины айсбергов, под которыми скрыты массивы лжи и страха осознания этой лжи. На самом деле все российские фатальные парадоксы легко объяснимы. Например, понятна такая такая

известная неизбежность, как "дураки и дороги" - действительно, умный человек не может принять философию "халявы", он, если не понимает, то хотя бы интуитивно чувствует, что за "халяву" даже при любом удачном исходе потом придется расплачиваться (личными проблемами, несчастьями, неврозами, зависимостями, болезнями и пр.) Поэтому встроиться в российскую пирамиду умному человеку просто невозможно, в вирусе существует отрицательный отбор, который идет не по критериям ума, а наоборот, по таланту его выключения по холуйским мотивам, способности идти на любое безумие вразрез с очевидностью если это нужно вирусу.

Кроме того, была своеобразная польза для теплившейся где-то в захолустьях древнерусской культуры в дураке-начальнике и плохих дорогах - они служили тем буфером, который предохранял от проникновения, вмешательства вирусе в реальную жизнь, что грозило бы полным уничтожением культуры и вообще жизни в деревне. Примерно эта трагедия и произошла в результате развития коммуникаций, транспорта в XX веке и крестового похода дураков-халявщиков, вооруженных мессианской идеей, против крестьянства...

Кроме всего прочего, с точки зрения системного подхода совершенно ясно, почему в России любые позитивные реформы обречены - позитивная логика реформ просто несовместима с противоположной логикой деструктивной вирусе, позитив в России существует до тех пор, пока вирус его терпит. Зато вполне успешны реформы, основанные на деструкции - подавлении, силе, угнетении, "затягивании гаек". Также понятен уход из одной болезни в другую путем чужеродных (западных) прививок - мол, вылечим наш рак прививкой вашего - чужой рак всегда лучше. Нельзя привить чужое здоровье, можно только болезнь. В России единственный выигравший от прививок чужих болезней под видом реформ - вирус, не упускающая ничего разрушительного...

Понятна и такая российская фатальная неизменность, как выраженная когда-то Н.М. Карамзиным - "воруют...". Воровство - это всего лишь частное проявление

неафишируемой российской "национальной идеи" на букву "х", идеологического хребта "ракообразного" вируса - ее величества "халявы". К тем же частным ее воплощениям относится и неизживаемое взяточничество. Подношения, например, в церковной жизни считаются признаком благочестия, таким образом взятки получают религиозное благословление. Кроме того, мздоимство имеет и позитивное значение - сглаживает несоответствие конкретным реалиям и морали деструктивных российских законов, гребущих всех под одну уставную гребенку...

Также понятно, откуда взялся парадокс необыкновенной русской душевности, альтруизма и в то же время наблюдение, говорящее о проявлении взаимной ненависти русских по отношению друг к другу, выраженном в такой поговорке, как "не в том счастье, что своя корова отелилась, а в том, что у соседа сдохла", или способности устраивать ходы и ссоры, давить друг друга везде, где что-то "дают". Противоречие мнимое, поскольку в одном случае речь идет о действительных русских, принадлежащих к русской культуре, системе ценностей, ставящей во главу угла отношения, и в другом - противоположному внекультурному типу представителей вирусе, продвигающей отчуждение, которых ошибочно относить к русским, если речь идет о чем-то уникальном. Такие же свойства у раковых клеток, имеющих, в отличие от здоровых, отрицательный, отталкивающий заряд на своей оболочке, сосуществующих на принципах отталкивания. Некорректно называть этот "отряд ракообразных" русскими, - всё встает на свои места, если относиться к ним, как к "общечеловекам". Осложняется всё лишь тем, что и русский гений, и имперское злодейство порой совмещены в одном человеке, превращаясь в такую шизофреническую расщепленность. Ошибка, например, националистов в том, что они пытаются провести границу между людьми, а она зачастую проходит внутри человека, причем еще и подвижна, и излечение людей от культуральной шизофрении вполне возможно.

Поэтому, отвечая на другие вечные вопросы "кто виноват" и "что делать", ошибочно обвинять каких-то конкретных людей. Главным виновником российских бед и несчастий остается невидимый имперский вирус, антикультура отчуждения - с ней-то и надо что-то делать. Восстания, бунты, революции - любое силовое воздействие обречено на поражение - обыграть антисистему, играя на ее же поле по ее правилам, невозможно, от физической конфронтации она только выигрывает, встречная агрессия ее только подпитывает и организует. Королеву разрушительности разрушительностью не одолеть - кто только ни пытался, всё возвращается на круги своя, в данном случае - на круги ада.

Для таких случаев, когда враг заведомо физически сильнее, еще и невидим, работает парадоксальный евангельский принцип "подставь щеку" - выход из борьбы с разрушителем лишает его противника, возможности сбрасывать на кого-то свою разрушительность, и он вынужден, оборачивая ее на себя, самоуничтожиться. Имперская антикультура только потому и существует длительное время, что есть культуры, которые с нею борются, сглаживают, берут на себя разрушения, сохраняя раковую опухоль в состоянии, как говорят онкологи, *in situ* (на месте) чуть ли не тысячелетиями. Да и одно из основных свойств рака - он до определенного времени "не болит"...

В отношении физического рака предложено лечение именно по парадоксальному принципу: не борясь с ним, а предоставляя раку зеленую улицу, организуя искусственные кормушки-инкубаторы с тем, чтобы впоследствии, приученных к кормушкам раковые колонии уничтожить простым отключением от питания.

Именно такая "терапия" сложилось естественным образом в России. Культура получила по рукам в ее старании свести несводимое - систему с вирусом, утратила возможность "спасать Россию". Вирус вырвалась на свободу, выйдя на новый вид "халявы" - тотальной распродажи российских природных ресурсов и полезных ископаемых. Нужда в подпитке реального производства и сельского хозяйства отпала

вообще, активизировался процесс стягивания людей в мегаполисы (те же кормушки-инкубаторы). Нетрудно догадаться что будет, когда "халява" закончится, а она закончится в любом случае, и выстроенная вокруг перераспределения "халявы" вирус, "строма" рухнет. Причиной катастрофы может изменение любого параметра: падение курса доллара, конъюнктуры рынка нефти, козни конкурирующих "халявщиков" и т. п. - повод совершенно не важен. Вирус статичен и косен, и со временем становится всё больше и больше уязвимым, неповоротливым и неспособным реагировать ни на какие изменения внутренних и внешних условий. Происходит не так уж редко встречающееся в истории явление - Земля как бы не терпит распределенной болезни, она самоочищается, локализуя, собирая разбросанные больные элементы в язвы - города-мегаполисы, предоставляя им возможность самим себе сотворить "Армагеддон", самоуничтожиться и не препятствовать дальнейшему развитию культур и эволюции. Всё, что требуется - не мешать представителям антикультуры сломать себе шею в погоне за "халявой".

Нет ни малейшего шанса, что "халявная" приманка кормушек-инкубаторов не сработает. Притяжение "халявы" непреодолимо, тянет отчужденных как на аркане в призрачный мир "халявного" вечного счастья наподобие "зова".

Абсолютно бессмысленно говорить о перспективах "халявы" самим "халявщикам". Защититься от катастрофы, в которую тянет их "халява", они не смогут, даже точно зная перспективу. Будут неукоснительно ползти к краху, как кролики в пасть к удаву. Причина их бессилия не в какой-то запредельной жадности, а в тяжелой зависимости - такой же как, например, у алкоголиков или наркоманов, так же бессильных перед зависимостью и зачастую ее отрицающих до самого конца. Глупо объяснять алкоголизм и наркоманию жадностью к алкоголю и наркотикам. Не менее глупо сводить к жадности и "халявоманию"...

Кроме прочего, есть еще один позитивный момент в возникновении ресурсной гипер-халявы: легкие нефтяные деньги настолько вскружили голову власти, что она полностью переместила свое внимание на них, забыв о народе. Раньше для изымания "халявы" всегда требовалось удерживать людей в состоянии рабской зомбированности - вбивать то через православие, то через коммунистический агитпроп рабскую "общечеловеческую" систему ценностей, имперскую антикультуру. Теперь необходимость в этом отпала, государственный аппарат больше в доходах от эксплуатации людей не нуждается, идеология государства стала либо вялой, либо очевидной демагогией, либо ее нет вовсе. Это дает время беспрепятственному развитию новой свободной идеологии "снизу". Альтернативная идеология не будет восприниматься всерьез до тех пор, пока не созреет, и бороться с нею станет уже поздно.

Однако нет более страшного врага у представителей вируса, чем они сами. Наивно думать, что могут что-то позитивное построить, например, инфантильные нео-квази-комсомольцы "Наши", "Местные", "Идущие вместе", "Молодая гвардия", у которых не хватает ума не то чтобы скрывать постыдный карьеризм, а они даже им гордятся, легализуя то, что уже давно укоренилось во власти и без них. Как раковые клетки лишены всякой дифференциации и полезности, но, тем не менее, рвутся к кормушке, так и у представителей современных российских молодежных движений и политических партий нет никакой идеи, кроме встраивания в систему "халявного" кормления. Это касается и, якобы, "оппозиционного" лагеря - "несогласные", "Другая Россия" никакой другой идеи, кроме "а дай-кось я" выдвинуть не могут, все думают, что облагодетельствуют общество, если дорвутся до ярлыка на княжение и сбор дани. Происходит негласный сговор: никому ни под каким видом не ставить под сомнение "кормушку" - саму систему власти, выступать можно только за замену кресел, и всеми, неважно какими - демократическими, либеральными, коммунистическими, патриотическими и др. фибрами сакрализовать имперское единство. Не случайно

партии в названиях вдруг стали тяготеть к "России" - "Единая Россия", "Свободная Россия", "Справедливая Россия".

Нет никакой разницы как на этот раз будут самоуничтожаться "общечеловеки. Такой путь есть естественный путь самолечения от рака, вымирание в мирной России бьет рекорды потерь военных лет. По иудохристианскому сценарию так или иначе российский имперский вирус должен отправится в небытие Россию туда же, куда отправились ее прародители: Римская, Византийская, Монгольская и др. империи.

Подобный сценарий не обязательно означает распад России, а лишь изменение качества ее государственной системы - из злокачественной статичной "вертикальной" вирусе она может превратиться в доброкачественную конструктивную подвижную гармоничную здоровую систему-организм, стимулирующую развитие входящих в нее уникальных культур. В общем, прогноз, как сказал бы врач, оптимистический, и есть большое везение в том, что вскоре придется увидеть столь глобальную перемену, нечто такое, чего и представить себе было невозможно ни в какой утопии... Смутное время в России всегда сопровождалось апатией. Казалось, российский дух окончательно подорван, близка победа над ним. Но наступает фаза духовного сосредоточения, подъема соборной силы и воли, сплоченное единство обретает мужество и решительность, и смута разрешается торжеством русского духа и крахом отщепенцев. Так и было и в первую, и во вторую смуту. Нынешняя, третья смута имеет существенные отличия. Внешняя агрессия осуществляется идеологическими средствами, располагает сетью агентов влияния. На разрушение русского духа направлены мощные средства массовой информации. Дух оказался под серьезной угрозой. Удары наносятся по самым фундаментальным духовным ценностям, вместо которых назойливо навязываются псевдоценности. В стан противников русского духа перебежала часть интеллигенции. Драматизм ситуации усиливается активностью поборников западной цивилизации и их покровителей. Но именно это выдает их неуверенность в

успехе начатого коварного эксперимента. Есть достаточно фактов, свидетельствующих о том, что российский дух не сломлен, жив. Значит, жива и Россия. Народ, пока стихийно, сопротивляется навязываемому одичанию, распаду души, слому важнейших культурных норм и запретов, болезни страха, тоски и непредсказуемости. Идет процесс сосредоточения, работает неторопливая народная мудрость. Российский дух, российская идея, российская цивилизация притягательны своей нравственной высотой, своим самостоянием и не нуждаются в каком-то дополнении чуждыми ценностями.

Более того, евразийской стране — России — предназначено быть духовным лидером в мире, ибо кроме России некому возглавить духовное обновление Земли.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Спирин В.Г., «Дохристианская славянская метафилософия», 2008г. Сборник Первого международного конгресса «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура», т. 3.,**
- 2. http://zhurnal.lib.ru/editors/s/spirin_w_g/**
- 3. www.metafilosof.narod.ru**

</cut>